

ЦИФРОВОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация

В статье рассматривается предметная и методологическая проблематика современного регионоведения. На основе критического диалога с подходом «мировое комплексное регионоведение» авторы предлагают проект оригинальной исследовательской программы изучения одного из макрорегионов — Большого Средиземноморья. В статье предложен особый предметный срез регионоведческих исследований — макрорегион или метарегион Большого Средиземноморья, который развернут в большом (историческом) времени. Показана интегральная роль политической науки в изучении и геостратегическом конструировании макрорегионов. Продемонстрирован характерный для русской школы международных исследований подход в понимании процессов регионального развития. Обозначены некоторые возможности цифровых наук и технологий в современном регионоведении.

Ключевые слова: регионоведение, мировое комплексное регионоведение, макрорегион, метарегион, Большое Средиземноморье, цифровые технологии.

Авторы

Чихарев Иван Александрович

Директор института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, кандидат политических наук (Севастополь, Россия)

Бровко Василий Юрьевич

Аспирант института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия)

Изучение регионов современного мира является важнейшей научной задачей в силу широко признанной в современной науке неравномерности мирового развития, глубокой региональной специфики протекания процессов глобализации, разнонаправленного продвижения интеграционных процессов. В силу особенностей географического положения России, исследования как внутренних регионов, так и международных региональных систем, в которые включена наша страна, имеют

большие значение и масштаб. Освоение новых пространств — Арктики, Антарктики, Мирового океана, а также обострение международной конкуренции в рамках уже сложившихся региональных подсистем международных отношений — на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Западной Европе и шире — в Евроатлантике, в Центральной Африке и других, делают весьма актуальными задачи приращения регионоведческих знаний и развития методологии региональных исследований.

Современное регионоведение представляет собой мультидисциплинарную и полипредметную область знаний. Регионы различного масштаба и уровня — от локальных сообществ до мегарегионов [3. — С. 12] изучаются широким спектром наук как естественных (география, геология), так и социальных (история, политология). Известны исследования в области гуманитарной или человеческой географии и истории регионов [5]. Все большее значение приобретает изучение регионов методами точных наук, прежде всего, с помощью геоинформационных систем, больших данных и создания «цифровых двойников» региональных систем и процессов.

На фоне такого регионоведческого плюрализма в отечественной науке сделана попытка создания «точки сборки» — интегральной дисциплины или даже постдисциплинарной модели знания «мировое комплексное регионоведение» [2]. Методологически в его основе лежит два типа редукций, позволяющих контролировать количество факторов и, соответственно, переменных, влияющих на региональное развитие: 1) определение специфических региональных факторов, оказывающих большее влияние на исторические события в данном регионе, — что снимает потребность в сплошном идеографическом описании; 2) сокращение необходимых «выборок» в количественных исследованиях. Одновременно с некоторым упрощением фактуры по сравнению со сверхплотными страноведческими и традиционными историческими исследованиями мировое комплексное регионоведение делает существенно более детализированным взгляд на региональную специфику протекания мировых процессов. Такая одновременная рефокусировка двух линз создает достаточно эффективную оптику мирополитического анализа, особенно учитывая, что рефокусировка является динамической, а создаваемые

факторные теории среднего уровня — открытыми. Это предполагает вариативность и масштабов, и дисциплинарного характера исследования.

Несмотря на все достоинства и достижения этого подхода, он не преодолевает, с одной стороны, инерционности, а с другой — презентизма в понимании пространственных границ регионов. Так, в учебнике по практике мирового зарубежного регионоведения рассматриваются вполне привычные международные регионы, в том виде как они разделены между профильными институтами Российской академии наук. Но эти сложившиеся региональные подсистемы международных отношений конституировались в нынешнем виде только в эпоху Нового времени, а до этого их структура и характер отношений между ними были принципиально иными. Соответственно, такое ограничение снижает социоинженерный потенциал мирового комплексного регионоведения, сокращая временной масштаб рассмотрения исторических региональных трансформаций и, соответственно, уровень понимания возможных будущих траекторий регионального развития.

Кроме того, комплексный регионоведческий подход является в большей степени поисковым, а не проективным. Это, возможно, «плюс» с точки зрения чувствительности к региональной специфике, но определенно «минус» для геостратегического потенциала мирового комплексного регионоведения, то есть его способности генерировать действенные модели политического развития регионов. Здесь же надо отметить, что сторонники мирового комплексного регионоведения не вполне последовательно решают вопрос соотношения структуры и агента в социально-историческом пространстве региона. С одной стороны, говорится о «достаточно высокой степени конструктивизма», а с другой — о невозможности субъективизированных

трансформаций. Можно предположить, что причина как раз в слишком укрупненном масштабе понимания регионов, которые и впрямь при таком тяжелом взгляде (как, например, взгляд Хаусхоффера на глобальные регионы) превращаются в неповоротливых динозавров. Также холистический конструктивизм комплексного регионоведения может объясняться востоковедческими ориентирами многих сторонников этого подхода, которые традиционно являются в большей степени либо структуралистскими, либо историко-описательными, но не нормативно-прескрептивными.

Тут же скажем, что одним из парадоксальных ограничений подхода является дихотомия Запад/Незапад, хотя совершенно справедливым со стороны русских регионоведов был бы заход на проблему с позиций «метарегиональности», то есть роли регионов, служащих «мостами» между различными региональными пространствами. Не до конца использован потенциал критической геополитики, который как раз бы мог способствовать избавлению от географических клише и бинарных оппозиций.

Наконец, в плане «дисциплинарности» мировое комплексное регионоведение остается «на стороне» социальных наук, использует социогуманитарный, историко-описательный, историко-сопоставительный дискурс. В этом смысле большие данные, которые должны быть собраны и проанализированы для решения масштабных регионоведческих задач, в представлении данного подхода не операционализированы и не оцифрованы, что, безусловно, ограничивает потенциал подхода в его нынешнем виде.

«Открытая архитектура» мирового комплексного регионоведения и содержащиеся в нем эвристики позволяют практиковать и позитивно развивать его без существенной деформации ядра исследовательской программы.

В этой статье будет предложен достаточно нетривиальный регионоведческий кейс, изучение все же потребует корректировки некоторых базовых понятий и установок современного регионоведения. Во-первых, будет предложен особый предметный срез — макрорегион или метарегион Большого Средиземноморья, который будет развернут в большом (историческом) времени. Во-вторых, будет показана интегральная роль политической науки в изучении и геостратегическом конструировании регионов. В-третьих, будет продемонстрирован характерный для русской школы международных исследований подход в понимании процессов регионального развития. В-четвертых, будут обозначены некоторые возможности цифровых наук и технологий в современном регионоведении.

Едва ли в журнале «Русская политология», для которого мы пишем эту статью, нужно скрывать, что главный мотив в выборе предмета исследования — макрорегиона Большого Средиземноморья — возвращение России в этот регион после событий Русской весны, восстановление Средиземноморской эскадры ВМФ РФ, действий Вооруженных сил России в Сирии, ее новой роли в отношениях с Египтом, Ливией и другими государствами региона в последние годы. Безусловно, этот мотив — ключевой, однако следует признать, что регион Большого Средиземноморья был и остается одной из наиболее значимых зон мирового развития, а главное — распространения достижений человеческой цивилизации. С этой точки зрения его изучение имеет не только патриотический смысл, но выглядит многообещающим именно для прояснения взаимодействия глобальной и региональной динамик развития, что представляет проблему переднего края для современных социальных наук. Более того, мы убеждены, что возвращение России

в регион, несмотря на всю его неоспоримость и необратимость, должно вносить (и уже вносит) исторический вклад в региональное развитие. Но это невозможно без понимания сложнейшей «текстуры» и драматичной динамики развития региона.

Регион представляет собой возможный ключ для разрешения дихотомий Запад/Восток и Север/Юг, в «перекрестии» которых он находится. Возвращаясь к мировому комплексному регионоведению, можно сказать, что здесь мы имеем географически центральный кейс в анализе непосредственной динамики отношений между частями названных дихотомий и, более того, — систему более частных случаев их политического и социально-экономического синтеза разной степени успешности (например, Север и Юг Италии в рамках единой экономической системы и модели региональных отношений, Ливан, Израиль да практически все граничащие со Средиземноморским бассейном государства). Более того, в большом историческом времени данное перекрестье видится не как зона столкновения (хотя изучение средиземноморских конфликтов представляет собой актуальную задачу), а как колыбель развития «Центральной цивилизации» [7].

Также очевидно, что Большой средиземноморский регион явился ключевым коммуникативным пространством для глобализации мирового развития. Дело не только в очевидном значении Средиземноморья для обменов в Древнем мире и Средневековье. Оно же явилось «хабом» для «евразийского переноса» [6] достижений восточных цивилизаций в Западную Европу и достижений европейской цивилизации в Новый свет. Великая степь Евразии и центральная Атлантика от Гибралтара до Карибского моря с геологической точки зрения могут рассматриваться как восточное и западное ответвления Большого Средиземноморья. Большое

Средиземноморье в большом историческом времени — это колыбель человеческой цивилизации, из которой ведут пути от берегов Нила в Землю обетованную, шелковых путей, речных дорог из варяг в греки, европейских колонистов раннего модерна.

Итак, в плане диалога с мировым комплексным регионоведением, можно говорить о регионе Большого Средиземноморья как об особом метарегионе, важнейшей характеристикой которого является его коммуникативный характер, обусловленный особенностями географической среды и интенсивностью социально-политического развития. В области кросс-регионального сравнения можно предположить, что таких регионов несколько (некоторые сохранили свое центральное значение для глобальных или макрорегиональных процессов до сегодняшнего дня, иные — утрачивают, другие — только утверждают в данном качестве). Это, в частности, Балтика и Северное море как «Североевропейское Средиземноморье», Евразийская степь, (Северная) Атлантика как «Средиземный океан» Нового времени, Карибское море (Средиземноморье Америк), комплекс морей от Южно-Китайского до Охотского, Индийский океан [4. — С. 64–93]. «Средиземным океаном» XXI века можно смело счесть Азиатско-Тихоокеанский регион, а перспективным Северным Средиземноморьем — Арктику.

Хотя при взгляде на карту мира эти «средиземноморья» кажутся географически детерминированными, сама постановка вопроса о повышении или снижении их значимости, «появлении» новых срединных морей заставляет задуматься, что определяет «средиземность» кроме географического фактора — ведь при взгляде на планету со стороны северного полюса та же Арктика практически идеально «срединна». Ответ является очевидным, но двухтактным. «Средиземноморскость» определяется (1) вовлечени-

ем окружающих море частей суши в хозяйственную деятельность и (2) построением относительно целостной системы *регулирования* в данном географическом пространстве. Все перечисленные выше «средиземноморья» характеризуются такими признаками, обладающими разной степенью выраженности в разные периоды исторического времени.

В принципе, под такое определение подходит любой регион. Значительным отличием средиземноморских (в широком смысле) регионов является наличие открытой системы регулирования, то есть фактическая невозможность жесткого определения границ. Для всех перечисленных квазисредиземноморских регионов характерны территориальные споры, и каждый из них остается предметом проектирования в имперских и постимперских стратегиях. Даже относительно «спокойные» «средиземноморья» Балтики, Карибского бассейна, Евразийской степи испытывают влияние политических мегапроектов США, России, КНР. Классическое же Средиземноморье (между Европой, Африкой и Азией) исторически являлось и остается «образцом» межимперского соперничества и территориальной неустроенности, характерной даже для старейших южноевропейских наций-государств региона.

Можно предположить, что средиземноморские международные системы имеют более высокую степень анархичности, что вызывает потребность или установки имперского режима «внутреннего моря», или сохранения по виду сути дерегулированной системы «свободы морей», а по факту наиболее удобного режима для доминирующей империи, способной извлечь максимальные относительные выгоды из «свободы» торговых и военных перемещений.

Средиземноморские международные системы усложняют дилемму без-

опасности. От простой конструктивной дилеммы: «увеличение безопасности одного государства ведет к снижению уровня международной безопасности; уменьшение безопасности одного государства ведет к снижению уровня международной безопасности; любая диспропорция в степени безопасности ведет к снижению уровня безопасности» (соответственно, далее — или война, или баланс сил) — происходит переход к сложной: «увеличение безопасности одного государства ведет к снижению уровня международной безопасности; безопасность государства, контролирующего срединное море, увеличивается относительно больше, чем безопасность других; уровень международной безопасности всегда низок; попытки установления системы коллективной безопасности несостоятельны» (соответственно, далее — или война, или империя).

В конечном счете все современные системы международной безопасности тяготеют к усложнению дилеммы как раз потому, что являются по своей морфологии средиземноморскими. Собственно, на материале классического Средиземноморья была сформулирована каноническая фукидидова дилемма. Англосаксонский опыт имперостроительства с центром (центрами) в Северной Атлантике — хрестоматийный пример средиземноморского усложнения дилеммы безопасности. Отсюда и двойственность международной системы Западной Европы Нового времени (Вестфальской) — «изнутри», континентально — она являет собой смену систем относительного признания границ при отсутствии выраженного гегемона. Снаружи, океанически, она предстает как смена контролирующих моря гегемонов (лидеров), активно перекраивающих границы.

Гипотетически Средиземноморье может быть «зашито», то есть вокруг срединного моря на какое-то время может быть установлен достаточно

прочный международный режим. Примерами могут быть закрытие Балтики петровскими договорами или интериоризация Карибского моря доктриной Монро, а также советское освоение Евразийской степи. Но история показывает, что даже эти попытки контролировать море оказываются эпизодами — Балтику вскрывает Рейх, Карибы пытается освоить СССР в 1960–1980-х, а Центральная Евразия после распада СССР является полем конкуренции России, США и Китая.

Таким образом, любое средиземноморье формируется как регион той или иной конфигурации в результате осуществления политического проекта, в полном соответствии с формулой, которую вспоминает Пьер Бурдьё: *ge gegeret fines et ge gegeret sacra* (1. — С. 149). Но, в отличие от относительно стабильных внутригосударственных регионов или внутриконтинентальных границ, средиземноморья флуктуируют между состояниями «свободы морей» и «внутреннего моря империи», которые на самом деле являются двумя сторонами одной монеты. Качество «средиземности» морю придает его «присоединение» к крупному континентальному политическому проекту — например, в классическом Средиземноморье мы уже более трех тысячелетий наблюдаем процесс смены доминирующих империй и постимперий.

В данной историко-политической развертке возвращение России в средиземноморский регион можно оценивать двояко — с одной стороны, как очередной подрывающий международное право имперский прорыв, черед которых характерна для истории средиземноморий. С другой — как шаг к стабилизации Большого Средиземноморья. Оставив в стороне известные аргументы «за» и «против» соответствия международному праву воссоединения Крыма и Севастополя с Россией или действий Вооруженных сил России в Сирии, констатируем, что с момента распада СССР и прекращения

действий в регионе Средиземноморской эскадры ВМФ СССР, политические процессы в макрорегионе характеризовались макроконфликтностью, перманентной транзитностью и систематическими нарушениями международного права. Основной причиной являлось дестабилизирующее воздействие основного внешнего игрока — США, при отсутствии реального влияния в сфере безопасности со стороны другого претендента на ключевую региональную роль — Европейского союза. Кроме того, отдельные страны ЕС продолжают репродуцировать в регионе имперские стратегии, типа современного французского «права на вмешательство» в дела африканских стран.

С возвращением России в макрорегион наметилось изменение баланса сил — международная ситуация определяется тремя «силами» мирового уровня — США, Россией и Евросоюзом, двумя региональными европейскими державами — Италией и Францией, и восточными региональными игроками — Турцией и Ираном. К силам мирового уровня в ближайшее время может присоединиться Китай. В известном смысле Средиземноморье оказалось геополитически «завершенным» на восточном направлении, что может содействовать стабилизации макрорегиона. Усложненная геостратегией США дилемма безопасности благодаря эффективному контрбалансированию со стороны России может постепенно тяготеть к упрощению, что позволит реализовать механизмы коллективной безопасности в регионе. Однако наиболее интересными являются потенциальные балансы сил нового типа — балансы «мягкой» и «умной силы».

Позволим себе утверждать, что Россия действует в регионе с позиций «просвещенного христианского реализма», подхода, который может рассматриваться как один из определяющих для русской (российской) школы международных отношений. Его субстанция, безусловно, реалистская,

то есть Россия выступала и выступает с эффективными стратегиями силового контрбалансирования при учете системных ограничений и ситуативных особенностей внешних политик контрагентов. Реализм является просвещенным в двух смыслах: (1) Россия готова к смягчению военного инструментария своей внешней политики при встречной готовности других мировых держав и общем благоприятном состоянии системы (региональной подсистемы) международных отношений; (2) Россия активно дополняет инструментарий своей внешней политики научно-технологическим сотрудничеством и влиянием, готова к содержательной коммуникации по международной повестке. Христианским международный подход России является потому, что православие является определяющим фактором для конкретных направлений внешней политики России в регионе и в мире (греческий, палестинский проекты) и важнейшей детерминантой ее характера (стремление к миру, ограничение насилия, уважение к международной морали и праву, защита соотечественников и христиан).

Определение границ регионов, их регулирование осуществляется на основе проецирования власти. В данном случае мы говорим не только о вполне прямолинейных стратегиях форматирования регионов в интересах политического субъекта — как, например, с введением Соединенными Штатами понятия «Большой Ближний восток» и реализацией вполне конкретных интервенционистских практик в соответствии с этим проектом. Речь о том, что любые регионоведческие комплексы знаний обусловлены властью, в соответствии с широко разделяемой в постструктурализме и в критической геополитике в частности формулой «власти — знания» М. Фуко. Верна и инверсия этой формулы «знание как власть». Региональное влияние определяется не только проекциями военно-стратегических потенциалов ключевых игроков и

имеющимися у них в регионе военными базами, но базами данных и знаний относительно регионов. Причем, учитывая требования современного технико-экономического уклада, эти данные должны быть максимально оцифрованы, так как именно цифровизация создает ключевое конкурентное преимущество как в современной индустрии, так и в военных операциях и политических технологиях.

В этой связи может быть сформирована многомерная программа цифрового регионоведения Большого Средиземноморья. На глобальном уровне подобные исследовательские проекты уже реализуются, в частности проект Digital Earth или разрабатываемая в Китае концепция «Цифровой Шелковый путь». Применительно к Большому Средиземноморью речь может идти о следующих направлениях такой исследовательской программы:

Динамическая (потокоская) цифровая репрезентация макрорегиона высокого разрешения с помощью систем космического мониторинга. Это может позволить не только осуществлять макрорегиональное позиционирование и навигацию, но и контролировать процессы в сфере безопасности, в частности реконструировать действительный ход гибридных конфликтов.

Международные археологические исследования с оцифровкой обнаруживаемых артефактов, создания баз больших археологических данных, систем сетевого коллективного доступа к оцифрованным объектам археологических изысканий.

Мониторинг и анализ потоков цифровых медиа в макрорегионе, включая динамику мемов, целостных образов макрорегиона и имиджевых/брендовых характеристик его основных игроков.

Создание макрорегиональных сетевых научных и образовательных коллабораций на базе технологий дистанционного образования, сетевой/кибер/цифровой дипломатии.

Создание баз больших данных и построение цифровых моделей ключевых региональных процессов: миграции, гибридных конфликтов, нарушений территориальной целостности, политических транзитов.

Создание синхронно и диахронно взаимосвязанных цифровых моделей/двойников макрорегиона.

Создание системы прогнозирования и стратегирования региональных процессов.

Литература

1. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Thesis. — 1993. — № 2.
2. *Воскресенский А.Д.* Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. — 2013. — № 6.
3. *Окунев И.Ю.* Политическая география. — М.: Аспект-Пресс, 2019.
4. *Abulafia D.* Mediterraneans // Rethinking the Mediterranean. — Oxford Univ. Press, 2005.
5. *Abulafia D.* The Great Sea: A Human History of the Mediterranean. — L.: Allen Lane, 2011.
6. *Modelski G.* Long cycles in world politics. — Seattle: Univ. of Washington Press, 1987.
7. *Wilkinson D.* Central Civilization, Comparative Civilizations Review. — 1987. — № 17.